

Юрий Гранин

«Глобализация» или «вестернизация»? Pro & contra

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс-», «интер-» и «наднациональных» финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идет таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические преимущества для стран «большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают они? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя ее волна побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридации». В теоретическом плане решение

этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* * *

Невзирая на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х гг., уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. В отечественной литературе эта тенденция была замечена В.Л.Иноземцевым, остроумно сравнившим «теорию глобализации» с религиозной доктриной, «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу»¹. К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть не что иное, как «вестернизация» – начавшая с середины XV в. *«экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»*².

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии «теории глобализации» и продуктивности отождествления последней с «вестернизацией», обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок, своеобразие которых в свою очередь объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о «движущих силах» и «субъектах» глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи «универсального эволюционизма» и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, «глобализацию» истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы»³ или как «целевую функцию» нелинейного процесса самоорганизации «социальной системы» в «суперсложный организм – Мегасоциум», который, будучи «представлен локальными социальными организмами (социумами)», в свою очередь «имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания»⁴. В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющих циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного, и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики⁵, так и проблемы «универсального эволюционизма», которую не без оснований, считают метафорой для «обозначения традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются»⁶. Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных социологических истолкований истории человечества, в которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких* противостоящих друг другу *тенденций истории*, либо как *одна* результирующая *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как «локализация», «национализация» и «регионализация», ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий ... порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти»⁷. Во втором случае по сути тот же самый процесс – изменение

пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают следующие: 1) развитие науки и техники, «техносферы» (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной «мир-системы» (миросистемный подход); 3) распространение (столкновения) «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход) или 4) «модернизацию» обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – западной – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И.Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию, – веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в., эпохе НТР и международных организаций⁸. Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции⁹ или Осевому времени¹⁰. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически-волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций»¹¹.

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся

процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность или «глобальную всечеловеческую целостность»*¹², реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь во время снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма, лучшим лекарством от которых была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens не как поле действия* неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

* * *

Точка зрения социальной философии и, шире, философии истории определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения событий в контексте диалектико-деятельностного единства бытия и сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества – это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) *между* объединенными в малые и крупные социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – обществами (социумами), государствами и цивилизациями, но и «внутренняя»

история возникновения, развития и исчезновения этих образований или общностей. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированными от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны. Как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных, т. е. культурно и политически связанных целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального, экономического, политического и иного пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов*. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности и интересы объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировала их распространение в пределах и за пределами регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким социально-философским способом понимание глобализации как мегатенденции к объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция, использование которой в дисциплинарных исследованиях способно нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию

глобализации к экономической, политической или какой-то другой из многих сторон («составляющих») исторического процесса. В качестве мегатенденции истории человечества, способом осуществления которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между ними. Поэтому ее можно рассматривать как *совокупность процессов* экономической (торговой, финансовой, производственной и др.), политической (военной и дипломатической) и/или культурной (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшейся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи. Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов, учитывать, что в длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм, источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними¹³ и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая, можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М.Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим основные этапы этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

Как уже отмечалось, в зависимости от исходных трактовок могут быть построены самые разные исторические периодизации и соответствующие им исторические формы глобализации, относящие ее начало в том числе и в глубокое прошлое, к временам распространения по Земле биологического вида *homo sapiens*. Начиная с неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство – территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы, в том числе и человеческие, удержать которые достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных для них норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности* – территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в «общества»: племена, союзы племен, этносы и нации – группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заим-

ствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшим сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус «мировых» ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею «человечества» и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность – философски и политически фундированным проектом.

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами, конкуренция между которыми неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущим за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами. По сути дела *социально-политическая история глобализации* – это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных кочевых и аграрно-ремесленных обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в *региональную историю* древних и средневековых этнических государств и империй, а затем и во *всемирную историю* наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силой государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение, подчеркивающее ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма **XVII–XIX столетий, сопутствующим ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации мира.** Именно она, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

* * *

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух достаточно спорных гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения центра мирового развития с Востока на Запад и идее «однополярного мира», разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи в свою очередь опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции (иначе – «стиле») европейского мышления, получившей в 1970–1980 гг. в трудах арабо-мусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализма»¹⁴.

Эта свойственная всей европейской культуре и, как считают, не преодоленная до сих пор традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного»

и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и в меньшей степени Америки, в ходе которой выковывалась европейская идентичность «белого человека», формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем-то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций, представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях, которые сам для своих нужд и создал¹⁵.

Солидаризируясь с этим наблюдением, добавлю, что и Восток всегда имел и имеет дело не с Западом как таковым, а его многочисленными репрезентациями, в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому, отдавая должное исследованиям ученых-реориенталистов, результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности «оксидентализма»¹⁶ и перемещать «центр» прошлого и современного глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии¹⁷ ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азиацентризм» не лучше «евро-» и «западоцентризм». Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний, которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами, и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением».

ем», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных (социокультурных) и политических моделей. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

По справедливому замечанию А.Г.Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»¹⁸. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII в. н. э. и вплоть до середины или конца XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса до XV в. была Азия¹⁹, крупнейшие империи которой значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния²⁰. Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII в. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам, спланивающим социумы, традиционным мировоззрению и культуре²¹, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, со многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого османами исламского мира, последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли этим странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

* * *

Разумеется, шансов «на равных» войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неоллиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции

и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить последнюю, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических достижений Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское»²², сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это получается успешно, как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Экватори-

альной Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Между тем и по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовываются перспективы создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. Следовательно, будущее глобализации отнюдь еще не предопределено. И может стать, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Примечания

- ¹ *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // *Вопр. философии.* 2004. № 4. С. 58.
- ² Там же. С. 60.
- ³ *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 407.
- ⁴ *Азроянц Э.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 65, 66, 248, 250.
- ⁵ См.: Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // *Вопр. философии.* 2006. № 9. С. 27, 31–33.
- ⁶ *Казютинский В.В.* Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма. // *Филос. науки.* 2006. № 7. С. 93–94. К этому следует добавить, что в пределах некоторых физикалистских интерпретаций идея универсального эволюционизма базируется на ряде гипотетических допущений, основу которых составляет уподобление эволюции Вселенной как саморазвивающейся системы эволюции земной жизни, в свою очередь интерпретируемой в постулатах дарвиновской теории эволюции организмов: изменчивость, наследственность, отбор. См., например: *Моисеев Н.Н.* Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993. С. 27. Для общественности уподобление развития социумов развитию организмов не только не является чем-то новым, но скорее шагом назад – к концепциям Вико, Данилевского, Шпенглера и др.

- ⁷ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 19. Под «потоками» авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под «структурами» – «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти» (Там же).
- ⁸ См.: *Спикер Г.* Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 78–82; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования. Дубна, 2006; *Иноземцев В.Л.* Глобализация и неравенство // Россия в глобальной политике. 2003. № 1; *Савас Масмас М.* Глобализация как переход к социализму // Альтернативы. 2000. № 3. С. 4. и др.
- ⁹ *Чешков М.А.* Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. 1999. № 4. С. 114–127.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Хачатурян В.М.* Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.
- ¹¹ *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 6.
- ¹² *Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 1 // *Вопр. философии.* 2004. № 11. С. 5.
- ¹³ Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций.
- ¹⁴ «Ориентализм, – писал в 1978 г. в одноименной книге Эдвард Саид, – это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении “Востока” и (почти всегда) “Запада”. Цит. по: *Саид В. Эдвард.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В.Говорунова. СПб., 2006. С. 9.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Саид В. Эдвард.* Ориентализм... С. 78–114.
- ¹⁶ Оксидентализм – оборотная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.
- ¹⁷ Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А.Янга, в котором он, ссылаясь на Э.Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме». See: *Young R.* White Mythologies. Writing History and the West. L.–N.Y., 1990. P. 14.
- ¹⁸ *Frank A.G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley–Los Angeles, 1998. P. 1.
- ¹⁹ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, упомянем, что даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непре-

рывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

²⁰ *Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley–Los Angeles, 1998. P. 123–127.

²¹ Самый впечатляющий пример – добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями отказ Китая на долгое время после 1433 г. от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин.

²² *Буров В.Г., Федотова В.Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // *Вопр. философии*. 2007. № 5. С. 18.